

УДК 343.132.8

Рубрика «Вопросы уголовного процесса».

«Протокольный язык» следственных действий как зеркало профессионализма сотрудников правоохранительных органов.

The "protocol language" of investigative actions as a mirror of the professionalism of law enforcement officers.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Соловьева Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, natalisoul13@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Solovyeva Natalya Alekseevna, candidate of Juridical Sciences, associate professor, head of the Department of criminal procedure and criminalistics, Volgograd state University, natalisoul13@mail.ru, Prosp. Universitetsky, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation, shinkaruk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5215-6299>

Введение: Слово в юридической деятельности никогда не бывает «пустым звуком». За любыми юридическими обозначениями всегда стоят реальные люди, их благополучие, а подчас и жизнь. Язык, выступающий в качестве основополагающего инструмента человеческой коммуникации, исторически способствовал развитию социума. Протокольный язык следственных действий также является важнейшим средством передачи объективной информации при сохранении эмоциональной нейтральности. Исключение субъективных оценок является фундаментальным для обеспечения справедливости и беспристрастности уголовного судопроизводства. Примечательно, что такого понятия, как «протокольный язык» или «язык протокола», не существует, но это обстоятельство не отменяет его существования, а требования, предъявляемые к оформлению протоколов, в частности, следственных действий, подтверждают необходимость глубокого изучения данного средства общения. **Методы:** Для всестороннего рассмотрения данной проблематики были традиционно использованы различные классические диалектические и общенаучные методы познания: сравнительно-правовой, анализ, синтез, индукция, дедукции, системная интерпретация. **Результаты:** Современный этап, характеризующийся развитием цифровых технологий, предъявляет новые требования к структуре и функции языка в следственной практике. Для того, чтобы соответствовать современным вызовам, обусловленным технологическим прогрессом, следует уделять повышенное внимание вопросам ясности, точности и объективности протокольного языка. Систематическое изучение и внедрение стандартов языковой культуры в уголовно-процессуальной сфере способны существенно повысить эффективность правоприменительных институтов, создать и поддерживать положительный имидж правоохранительных органов. Овладение языковыми нюансами и их импликациями в правовом поле должно стать неотъемлемой частью подготовки юридических кадров, включая следователей, прокуроров и судей.

Ключевые слова: протокол, язык, точность, однозначность, эмоциональная нейтральность, письменная речь, следственные действия.

A word in legal practice is never an "empty word". Real people, their well-being, and sometimes their lives are always behind any legal designations. Language, which acts as a fundamental tool of human communication, has historically contributed to the development of society. The protocol language of investigative actions is also an important means of transmitting objective information while maintaining emotional neutrality. The exclusion of subjective assessments is fundamental to ensuring the fairness and impartiality of criminal proceedings. It is noteworthy that there is no such thing as a "protocol language" or "protocol language", but this circumstance does not negate its existence, and the requirements for the registration of protocols, in particular investigative actions, confirm the need for in-depth study of this means of communication. Methods: For a comprehensive consideration of this problem, various classical dialectical and general scientific methods of cognition have traditionally been used: comparative law, analysis, synthesis, induction, deduction, systemic interpretation. Results: The modern stage, characterized by the development of digital technologies, imposes new requirements on the structure and function of language in investigative practice. In order to meet the modern challenges posed by technological progress, increased attention should be paid to the issues of clarity, accuracy and objectivity of the protocol language. Systematic study and implementation of standards of linguistic culture in the criminal procedure sphere can significantly increase the effectiveness of law enforcement institutions, create and maintain a positive image of law enforcement agencies. Mastering linguistic nuances and their implications in the legal field should become an integral part of the training of legal personnel, including investigators, prosecutors and judges.

Keywords: protocol, language, accuracy, unambiguity, emotional neutrality, written speech, investigative actions.

Введение.

Научные публикации располагают к переосмыслению имеющихся правовых взглядов и позиций, позволяют предложить к рассмотрению новые грани старого явления, отправиться в путь на поиск неординарных решений. Иногда научный интерес связан с новыми тенденциями в законодательстве или правоприменительной практики, а зачастую с, казалось бы, давно забытыми и решенными проблемами. К таковым можно отнести вопросы языка и стиля процессуальных документов в целом, и протокола следственных действий, в частности. Термин «язык протокола» или «протокольный язык» следственных действий употребляется в связи с его распространенностью, хотя в данном случае есть некоторая условность. Выражаясь более точно, следовало бы говорить о речи, а не языке протокола. Вместе с тем, данное обстоятельство не отменяет существование самого языка протокола, а значит и проблем, связанных с его использованием.

Уместность употребления понятия «протокольный язык» представляется очевидной. Есть устоявшиеся на практике термины и выражения, которые

вполне отражают суть явления, хоть и не закреплены в законодательстве. Например, часто приходится сталкиваться с использованием таких терминов, как общий надзор и пенитенциарный надзор, которые как бы аккумулируют суть данных отраслей надзора, что достаточно лаконично и удобно для профессиональной коммуникации. Иногда встречается выражение «язык протокола», и возможно, с точки зрения стилистики такое обозначение является более точным (язык права, язык народа, стиль и язык документа, язык криминалистики и т.п.), но все же словосочетание «протокольный язык» представляется органичнее в свете распространенности его использования.

Очевидно, что фундаментом протокольного языка служат уголовный процесс и криминалистика, олицетворяющие единство формы и содержания, соответственно в протокольном языке воплощены язык уголовного процесса и язык криминалистики.

Общей чертой для этих языков выступает опора на естественный язык - язык быденного общения. Этот язык, выступающий основой для создания любого искусственного языка, не применимый в «чистом» виде для целей науки, в то же время широко используется в протоколах следственных действий. Это обстоятельство объясняется кругом участников уголовного судопроизводства и разнообразием объектов описания в процессуальных документах, составленных в ходе раскрытия и расследования уголовного дела.¹

Использование быденного языка в сфере науки криминалистики и уголовного судопроизводства порождает проблемы, неизбежно связанные с особенностями этого языка – многозначность, эмоциональность, отсутствие логики изложения, повторы и т.д. В научной литературе высказано мнение, что устранить недостатки применения быденного языка возможно посредством использования в протоколе языковых средств науки, под которыми понимаются категории, определения и понятия криминалистики.

¹ Малюткина О.А. Язык криминалистики в протоколах следственных действий // автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород: Нижегородская Академия МВД РФ, 2009. С. 16.

Такой подход представляется правильным, поскольку протокольный язык во многом определяет имидж правоохранительных органов, уровень профессионализма и культуры сотрудников.

Протокол как неотъемлемая часть уголовно-процессуальных документов, безусловно, требует к своему содержанию и оформлению особого бережного подхода, не только с точки зрения профессиональных качеств его составителя, но и общекультурных, интеллектуальных и коммуникативных черт. Поэтому так важно вновь и вновь обращаться к теме языка.

Слово в юридической деятельности никогда не бывает «пустым звуком». За любыми юридическими обозначениями всегда стоят реальные люди, их благополучие, а подчас и жизнь.

В последнее время на страницах научно-практических изданий все чаще стал обсуждаться вопрос о юридическом дискурсе, аккумулирующим многочисленные исследования в области права, психологии, лингвистики, социологии, политологии, и важнейшей чертой которого является специфический язык, который объединяет язык законодательства, язык правоприменительной практики, язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др. [1, с.126]

Юридическая наука тесно связана с изучением языковых приемов написания правовых текстов, систем убеждений и стратегий коммуникативного поведения тех или иных субъектов, будь то конкретные личности, группы или даже абстрактные образования. [2, с. 16] Этот многообразный диапазон проявлений дискурса в правовой сфере представляет особый интерес для исследователей, поскольку он является ключевым элементом анализа особенностей взаимодействия субъектов права и формирования юридической практики. [3, с.63] Таким образом, дальнейшее углубление в изучение дискурсивного аспекта в юридической сфере поощряется для более полного понимания сложной природы правового общения и деятельности юридических субъектов. [4, с.49]

На формирование, развитие и совершенствование языка юридического дискурса влияют следующие факторы: категориальный строй сознания общества, особенности мирового мировоззрения, состояние правовой системы общества, особенности нормотворческой деятельности, состояние литературного языка, потенциал его ресурсов в качестве средств выражения правовой информации. [5, с. 188]

При восприятии протокольного текста, как и вообще письменной речи, внимание обычно акцентируется не на письменных знаках, нанесенных на бумагу, а на восприятии фактов, событий, которые описаны в этом тексте. При этом факты, события как бы отождествляются со словом. Между тем, фактические данные и словесный материал, с помощью которого они фиксируются, находятся в сложных отношениях взаимодействия. В процессе этого взаимодействия язык слов накладывает свой отпечаток на «язык» выражаемых им фактических данных. Поэтому протокольный язык имеет немаловажное значение для обеспечения достоверности сведений, фиксируемых в протоколах следственных действий.

Методы.

Для всестороннего рассмотрения данной проблематики были традиционно использованы различные классические диалектические и общенаучные методы познания: сравнительно-правовой, анализ, синтез, индукция, дедукции, системная интерпретация. При разработке данной методики автор исходил из таких основных принципов: любое понятие имеет бесконечное множество сторон, или аспектов; вклад каждого аспекта в понятие разный; по величине вклада аспекты понятия образуют иерархию. Поэтому сначала были рассмотрены общие положения, относящиеся к вопросам определения и значения протокольного языка, а потом подробно рассмотрены качественные характеристики требований, предъявляемых к протокольному языку.

Индукцию и дедукцию как методы решения поставленных задач следует интерпретировать только в тесной связи с анализом и синтезом, как

движение познания от анализа к синтезу и – от синтеза к анализу соответственно. Такая интерпретация, определение индукции и дедукции уточняет и понимание самого метода не только как анализ и синтез, но и как синтез и анализ. Непосредственным образом это относится и к использованию протокольного языка как средства достижения повышения эффективности предварительного расследования. Процесс доказывания является той цепочкой, в которой протокольный язык играет ключевую роль, и может быть рассмотрен только через призму анализа самого процесса доказывания и синтеза требований, система которых дает представление о языке протокола.

В связи с этим, требования, предъявляемые к использованию языка при составлении протокола, в ходе представленного исследования подвергались системной интерпретации, с целью подробного изучения их характеристики.

Использованная методология позволила определить место протокольного языка в доказывании и его влияние на создание положительного имиджа правоохранительных органов.

Результаты.

Язык, выступающий в качестве основополагающего инструмента человеческой коммуникации, исторически способствовал развитию социума. Тем не менее, в условиях инновационного роста информационно-коммуникационных технологий, актуальность исследования языка вновь выходит на передний план. Данный дискурс приобретает особую значимость в сфере уголовно-процессуального права, где язык не только инструментально закрепляет правовые нормы, но и служит средством фиксации событийной картины. [6, с. 97]

В уголовно-процессуальной деятельности язык является неотъемлемым элементом, обеспечивающим прозрачность и легитимность процессуальных документов. Протокольный язык должен сохранять строгую нейтральность и быть сведённым к объективной передаче информации. Исключение

субъективных оценок является фундаментальным для обеспечения справедливости и беспристрастности.

Формирование унифицированных лексических стандартов для протоколов является необходимым условием устранения множественности трактовок. Строгая стандартизация способствует согласованности и надлежащему пониманию правового содержания.

Овладение языковыми нюансами и их импликациями в правовом поле должно стать неотъемлемой частью подготовки юридических кадров, включая следователей, прокуроров и судей. Развитие лингвистических компетенций укрепляет способность к точной и грамотной фиксации процессуальных реалий. Это, в свою очередь отразится на положительном имидже правоохранительных органов, поскольку протокольный язык является зеркалом профессионализма и мастерства сотрудников.

Современный этап, характеризующийся развитием цифровых технологий, предъявляет новые требования к структуре и функции языка в следственной практике. Чтобы соответствовать современным вызовам, обусловленным технологическим прогрессом, следует уделять повышенное внимание вопросам ясности, точности и объективности протокольного языка. Систематическое изучение и внедрение стандартов языковой культуры в уголовно-процессуальной сфере способны существенно повысить эффективность правоприменительных институтов.

Обсуждение.

Е.Е. Подголиным были предложены и разработаны требования к «языку протокола»: однозначность; дословное, по возможности, отображение существенных данных, содержащихся в показаниях, и стилистическая нейтральность при фиксации других сведений; точность; понятность; лингвистическая правильность; уместность; краткость.²

²См.: Подголин Е.Е. Культура следственных действий Учеб.пособие. Волгоград : Н.-и. и ред.-изд. отд. Высш. следств. школы МВД СССР, 1978. С.24.

Однозначность языка. Когда хотят подчеркнуть сухость, однозначность, точность какого-либо обыденного письменного или устного сообщения, говорят о его протокольном языке. Отчасти, это верно, так как слова и словосочетания, используемые в протоколах, не так многозначны и нестроги в употреблении, как это имеет место в обыденной речи, они имеют меньше смысловых оттенков и других подобных наслоений. Вместе с тем язык протоколов следственных действий не является эталоном однозначности, так как это все-таки обыденный язык с его нестрогими речевыми рамками, хотя и имеющий некоторую специфику. Составляя, например, протокол осмотра места происшествия, следователь использует слова и их сочетания, имеющие широкий диапазон значений. Так, например, в протоколах осмотра часто используется следующее устойчивое словосочетание: «Рисунок каблука следа обуви правой ноги рельефный». В толковом словаре «рельефный» определяется как выпуклый, выступающий над поверхностью, отчетливый, выразительный.³Примеры можно было бы продолжать. В многозначности протокольного языка легко убедиться, сопоставив, например, отдельные слова, взятые из протокола, с их значениями, данными в словарях национальных языков.

Все это не способствует достоверному отображению в протоколах фактических данных. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы язык протоколов по своему содержанию приближался к фотографии. В настоящее время во многих «отраслевых языках» наблюдается тенденция к однозначности, т.е. к приданию знакам письменной речи одного значения.

Думается, что такая тенденция все в большей степени будет проявляться в протокольном языке. Использование в протоколах слов и словосочетаний, имеющих строго очерченные значения, позволит фиксировать данные с большей приближенностью к объективной действительности. Стандартизация протокольного языка явилась бы одним из первых шагов к последующему его модернизацию с помощью

³ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970. С. 635.

искусственных языков. Такая формализация окажет помощь в будущем при типизировании формальной (семантической) сторон протокольных описаний, а также при разработке надежных кодов для алгоритмизации протоколируемой информации и ее последующей электронной обработки.⁴

В юридической практике протоколы требуют высокой степени ясности, что делает нежелательным использование синонимов и многозначных слов, способных вносить неоднозначность и вызывать недоразумения. Считается, что такие языковые элементы могут запутать содержание и усложнить его понимание, что недопустимо в уголовно-процессуальной деятельности.

Тем не менее, полностью исключить явления синонимии и полисемии при составлении протоколов невозможно. Естественный язык, на котором составляются протоколы, обладает присущими ему свойствами. Ключевым моментом является необходимость в том, чтобы эти лингвистические особенности способствовали ясности и точности фиксации информации в протоколах.

Природу синонимии и полисемии⁵ можно наглядно представить с помощью эпизода из знаменитой философской сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». [7, с.64]

Путешествуя по Зазеркалью, Алиса попадает в мистический и тревожный лес, где отсутствуют имена и названия. Она замечает, что её способность вспоминать слова исчезла. В этом лесу все— деревья, цветы и сама Алиса — теряют свои наименования. Испытывая замешательство, Алиса отождествляет себя с ланью. К счастью, именно лань помогает ей добраться до другого леса, где слова вновь обретают значение, и Алиса восстанавливает свои воспоминания.

Подобное явление можно наблюдать и у человека в начале его жизненного пути. Рождаясь, он оказывается в «безымянном лесу», так как еще не умеет выделять отдельные предметы из общего потока впечатлений и

⁴Подобный подход к документации наблюдается, например, в экономической науке.

⁵ В лингвистической теории нет единства мнений о сущности синонимии и полисемии. Здесь и далее применяется их трактовка в наиболее общем семиотическом плане.

присваивать им названия. Лишь с развитием речевых навыков проявляется уникальная способность человеческого разума – способность к вербальной категоризации окружающего мира. Это позволяет связать словесные знаки с определенным содержанием и осмыслить происходящее через их обозначение.

Рассмотрим сценарий, в котором индивид решил оптимизировать использование словесных «ярлычков-указателей» и стал применять одно слово для обозначения различных объектов, связанных по каким-либо признакам. Это явление известно как полисемия, или многозначность, где одно слово обладает несколькими значениями.

В другом контексте, индивид использует несколько различных слов для обозначения одного и того же объекта, акцентируя внимание на его отдельных характеристиках. Это называется синонимия, при которой несколько слов связаны с одним объектом. [7, с.64]

Следует отметить, что и возникновение многозначности, и развитие синонимии – это естественные закономерности языка, проявляющиеся в процессе любой познавательной деятельности, включая сложные задачи, такие как составление протоколов следственных действий.

Синонимия особенно полезна в таком контексте, поскольку она позволяет уточнить и разъяснить высказывания допрашиваемого, тем самым упрощая составление протокола. Во многих случаях именно синонимические конструкции могут обеспечить адекватное соотношение между абстрактными и конкретными элементами изложения, что критически важно для всех протоколов следственных действий.

С учетом знаковой природы естественного языка, полное исключение многозначных слов и синонимов представляется невозможным. Более того, отказ от этих гибких средств выражения был бы нецелесообразен, поскольку они позволяют тонко дифференцировать понятия и точно передавать их взаимосвязь.

Усилия, направленные на полное устранение синонимов и многозначности из протокольных текстов, можно сравнить с попытками создать вечный двигатель, поскольку они изначально обречены на неудачу. Однозначность в протокольном языке относится не к использованию исключительно одного слова, а к его однозначному восприятию и унифицированному толкованию. Поэтому при составлении протокола необходимо не столько устранять синонимию и многозначность как таковые, сколько ликвидировать все помехи для точной ассоциации слова с конкретным смыслом и точной идентификации обозначенного предмета.

Следует избегать сокращений. Если наименования органов, учреждений, организаций и других объектов используются многократно, они должны быть приведены в полном объеме при первом упоминании, после чего в скобках указывается сокращенный вариант для дальнейшего использования.

Стандартизация протокольных бланков имеет значительное значение в обеспечении однозначности терминов и понятий. Необходима унификация, способствующая реализации прав и обязанностей участников следственных действий, а также соблюдению процессуальных норм и криминалистических рекомендаций по сбору и фиксации доказательств.

Данное требование к стандартизации протокольного языка можно назвать формализацией и унификацией, как характерными чертами.

Вполне оправданной является разработка протокольных бланков, унифицированных не только по процессуальной форме, но и по содержанию. Бланки протоколов некоторых следственных действий, например, осмотра, освидетельствования, предъявления для опознания и другие, не сковывая творческой инициативы следователя, могут быть унифицированы по значительному количеству реквизитов.

В целях однозначного употребления языка желательно подготовить толковый словарь или справочник наиболее часто употребляемых криминалистических выражений (терминов), а также другого словарного

материала, используемого в ходе протоколирования. Это окажет помощь в стандартизации языка. Кроме того, он может использоваться участниками следственных действий с целью разъяснения смысла отдельных слов. Нередко в печати, стереотипный или, как его иногда называют, департаментский, штампованный язык протоколов подвергается необоснованной критике. По-видимому, в подобных случаях неосновательно проводится параллель между протокольным языком и языком художественной литературы; между тем достоинство стереотипной фразеологии состоит в том, что она отшлифована не одним поколением юристов; в силу частоты употребления одинаково (однозначно) понимается участниками уголовного процесса и гражданами, присутствующими в зале судебного разбирательства; требует меньше затрат времени при подыскании нужных слов в ходе составления процессуальных документов.

Определенную помощь в использовании однозначного словесного материала оказывают справочники, содержащие рисунки, изображения и наименования отдельных предметов и их признаков. По нашему мнению, на основе изучения уголовных дел и других исследований должна быть продолжена работа по составлению таких справочников.

В ходе следственных действий и протоколирования их результатов нередко возникают, в частности, затруднения в наименовании цвета. Так, в протоколах встречаются «малиновый», «кирпичный», «цвет морской волны» и т.д., хотя известно, что кирпич может быть различных цветов, как различна и окраска ягод малины в зависимости от стадии их созревания. Еще более неопределенным является цвет морской волны.

Существенную помощь в этом оказал бы атлас цветов. Найдя в атласе необходимый цвет, можно правильно назвать его и, кроме того, сделать ссылку в протоколе на соответствующую страницу атласа. Такая ссылка для большей наглядности может дополняться сравнениями с устойчивыми цветами различных предметов.

Определенные трудности возникают также при указании признаков голоса. Например, допрашиваемые нередко говорят, что они могут узнать интересующее следствие лицо по голосу и при этом называют голос тонким, грубым, осипшим, густым и т.д. Подобные названия не дают, конечно, однозначного представления о признаках голоса, поэтому даже в случаях дальнейшего опознания допрашиваемым лицом по голосу достоверность такого опознания будет вызывать сомнение, так как трудно судить, опознанный ли голос описал допрашиваемый в своих предыдущих показаниях. В связи с этим представлялось бы целесообразным снабдить следователя фонотекой с записями речи с различными признаками голоса. В процессе допроса лицу могла бы воспроизводиться фонограмма, а после узнавания голоса фонограмму с записью только этого голоса следовало бы приобщить к протоколу как приложение к нему, имеющее такое же значение для дела, как, например, выполненные допрашиваемым схема или рисунок.

Отечественное процессуальное законодательство предъявляет строгие требования к точной фиксации существенных данных, содержащихся в показаниях, в письменной форме. Задача заключается в том, чтобы максимально сохранить дословность устной речи в письменном документе. При этом необходимо обеспечить ясность и взаимосвязанность выраженных мыслей. Выполнение данного требования на практике сопряжено с определенными трудностями вследствие значительных различий между устной и письменной формами речи.

Поэтому при фиксации показаний труднее соблюсти условие однозначности. Представляется, что дословно в протоколе должны фиксироваться только наиболее существенные для дела данные. При этом многозначные речевые положения, записанные относительно дословно, целесообразно пояснять в протоколе речью следователя. Такой порядок записи показаний отвечает фактическим возможностям следователя. Попытки записать показания в полном объеме дословно, даже с учетом оговорки закона – нереальны, так как протокол, в котором зафиксированы

показания, является результатом речевого взаимодействия следователя и лица, давшего показания, в речевом отношении является их совместным трудом. Кроме того, устные показания неизбежно отражают в той или иной мере речь следователя, составившего протокол. Отличие устных показаний от их письменного изложения неизбежно также потому, что устная речь во много отличается от письменной. Так, известно, что даже произведения драматургии далеко не адекватно передают устную речь. Это различие хорошо также заметно при сопоставлении устных показаний свидетелей и этих же показаний, записанных собственноручно.

С учетом сказанного более удачной представлялась бы формулировка закона, требующая не «по возможности» дословной записи показаний, а точной записи показаний. По мере совершенствования технического прогресса звукозапись может «взять на себя» стиль показаний, а в протокол их содержательную сторону.

Ранее допрашиваемый имел возможность самостоятельно записывать свои показания после завершения допроса должностным лицом. Такие нормы предусматривались в УПК РСФСР от 1923 года (статьи 139 и 168) и УПК РСФСР от 1960 года (статьи 152 и 160), что было положительно воспринято как научным сообществом, так и практикующими юристами. По мнению Р.Д. Рахунова, данное положение имело принципиальное значение, будучи одной из гарантий аутентичности языка и стиля допрашиваемого в протоколе. Несмотря на требование закона о дословной записи показаний, на практике возникают сложности, поскольку протоколы зачастую отражают стиль следователя, а не свидетеля. Возможность собственноручной записи показаний укрепляет их доказательственное значение, особенно в случаях, когда на судебном этапе свидетель изменяет или отказывается от своих показаний.⁶ Следует согласиться с такой позицией и выступить за возвращение допрашиваемому права собственноручной записи показаний.[8,

⁶См.: Рахунов Р.Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 95-96.

с.5] Кроме того, можно предложить аудио и видео запись хода допроса или другого следственного действия, и оформить это в качестве приложения к протоколу. Такой порядок фиксации информации давно применяется в ходе судебного разбирательства, и было бы логично распространить его и на досудебные стадии.

При оценке долгосрочных перспектив дистанционного допроса, который представляет собой относительно новый элемент в российском досудебном производстве по уголовным делам, можно сделать вывод, что ожидается значительное упрощение данной процедуры. В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих безопасную передачу данных и надежную идентификацию участников, явка допрашиваемого в следственные органы может стать излишней. Идентификация личности будет осуществляться с использованием технических средств, а инструкции и права будут разъясняться следователем дистанционно. Проведение видеоконференций, соответствующих требованиям российского уголовного процесса, станет возможным посредством использования личных устройств, таких как смартфоны. Тем не менее, вероятно, останется необходимость в составлении следователем письменного протокола, который будет надлежащим образом заверен. К этому протоколу будет приложена обязательная видеозапись допроса, что подтвердит его легитимность и подлинность.[8, с. 5]

Эмоционально-экспрессивная нейтральность протокольного языка, в котором текст должен быть направлен не на эмоции, а на логическое восприятие. В юридическом дискурсе слова обычно употребляются в своих прямых значениях. Самые нестандартные с моральной точки происшествия и явления юрист должен описать нейтрально, не оказывая эмоционального воздействия, не раскрывая свою правовую оценку. В показаниях нередко содержатся идиомы и эмоционально окрашенные слова, например «жил на широкую ногу», «залил глаза водкой», «сестричка», «хорошенький» и т.д. Подобные слова и словосочетания желательно фиксировать в протоколе, так

как они образно и убедительно выражают мысли допрашиваемого, а также его отношение к лицам, предметам, о которых он говорит. При необходимости для обеспечения точности записи такие выражения поясняются в протоколе. В отличие от протоколирования показаний, при фиксации других данных, например, полученных при осмотре, необходимо употреблять стилистически нейтральный язык, избегая эмоционально окрашенных слов, например, «таких как «маленький домик», «сумочка», «ключик» и т.д. [9, с. 341]

Логическая связанность и последовательность изложения не ограничивается стандартизацией протокольной формы. Она должна быть гораздо шире и распространяться на смысловую нагрузку изложенного текста.

Точность описания предполагает конкретность словесного материала, выделение фактической стороны в фиксируемых сведениях. Так, если свидетель говорит, что обвиняемый пьяница, к жене относится плохо, недостаточно ограничиться такой записью в протоколе. Для точности описания необходимы фактические основания оценок, так как в данном примере свидетель использовал какой-то стандарт, идеал, исходя из которого, сделал оценку. Этот стандарт может быть один у свидетеля, который сам выпивает и плохо относится к жене, и другой – у свидетеля непьющего и хорошо относящегося к жене.

Главное – точность выражения мысли. Точность протокольного языка достигается благодаря четкости и однозначности формулировок. Информация должна находиться в жестких, строго очерченных границах, чтобы у всех субъектов восприятия не было шанса получить разные впечатления, в отличие от восприятия литературного произведения.

Любая неточность высказывания может стать критическим фактором, способным привести к проигрышу дела, даже если изначально шансы на успех были высоки. Данная мысль была озвучена еще во II веке нашей эры знаменитым римским юристом Гаем, который приводил пример из собственной практики. Один из граждан обратился в суд с иском о

возмещении ущерба, причиненного порчей его виноградников, но потерпел поражение из-за того, что ошибочно употребил выражение «срубил деревья» (devitibussuccisis). [10, с.75]

Наблюдения Гая сохраняют свою актуальность и в современную эпоху. Несмотря на обширное использование различных систем коммуникации, естественный язык остается основным инструментом общения в правовой сфере. Недостаточно четкая формулировка закона или даже одного слова может повлечь за собой серию юридических ошибок и серьезные правовые последствия.

Однако не всегда суждения опрашиваемых содержат оценочные понятия. Не противоречит точности описания фиксация в протоколе допроса суждений допрашиваемых, основанных на их опыте, знании языка и правил его употребления. Представляется, что не прав М.С. Строгович, который писал, что «восприятие и воспроизведение свидетелем того или иного факта обязательно в какой-то степени включает умозаключение, вывод... Например, свидетель показывает, что он видел человека высокого роста. Это уже не просто восприятие факта, но и умозаключение: свидетель мысленно сравнил рост этого человека с ростом других людей и пришел к выводу, что рост этого человека выше обычного».⁷

В приведенном примере свидетель не делал умозаключение. Свидетель на основе своего опыта и знания языка, закрепившего многовековой опыт людей, привычно связан слово «высокий» с восприятием указанного им человека. Считая высказывания подобного рода умозаключениями, не имеющими доказательственного значения, следовало бы почти все слова и словосочетания отнести к умозаключению. Например, если свидетель говорит, что не видел человека, значит, он сравнил его с птицами, животными и сделал соответствующее умозаключение. Как уже было сказано выше, в подобных случаях умозаключения не делаются.

⁷См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т.1, М., 1968. С. 409.

Понятно, что стремление к точности описания – не самоцель. В затруднительных случаях лучше фиксировать признаки предмета и воздержаться от их наименования. Так, например, точно не зная тип узора пальцевого отпечатка, обнаруженного на месте происшествия, не следует называть его, лучше более подробно описать другие, индивидуализирующие его признаки. Не располагая точными измерительными приборами, которые требуются для определения незначительных размеров, нет необходимости указывать их в протоколе. [11, с. 66]В противном случае между протоколом и, к примеру, последующим заключением эксперта могут оказаться существенные противоречия.

Понятность протокольного языка тесно связана с его точностью и однозначностью. Способность понимать слова, создавать тексты и извлекать из них общепринятый смысл, заложена в людях от рождения и свободно реализуется в любой нужный момент. Никаких вспомогательных средств или дополнительных ресурсов для этого не требуется, что делает язык простым и удобным для повседневного употребления.[7, с.10]А сами слова не имеют непосредственной связи с внешним миром, они в высшей степени абстрактны. Некоторые авторы считают, что знаковые выражения являются понимаемыми, если по отношению к ним могут быть сформулированы соответствующие правила введения и исключения.⁸ Правила введения состоят в том, что лицу демонстрируется ситуация, показывается предмет и при этом употребляются необходимые слова.

Правила исключения знакового выражения состоит в умении лица находить предметы по их именам и описаниям. Эти предметы могут быть использованы для обозначения понятности протокольных записей. С этой целью участникам следственных действий желательно предъявить соответствующие справочники, имеющие словесные обозначения фотоснимков, графических изображений объектов, толковые словари языка,

⁸ См.: Горский Д.П. Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания. – В кн.: Логическая семантика и модальная логика. М., 1967, С.62.

предметы, сходные с теми, о которых даются показания, но которых не имеется в момент получения показаний. [12, с. 378] Предъявление указанных объектов целесообразно отразить в протоколе, например, в форме вопроса.

При фиксации специальных терминов необходимы соответствующие их пояснения в общеупотребительных выражениях, которые, например, может давать специалист. О том, что специальные наименования пояснены специалистом, желательно указать в протоколе.

Осмысленность фактических данных предполагает умение облечь их в речевую форму, как следователем, так и другими участниками следственного действия. [13, с. 169]

Однако случается, что в сознании участника следственного действия, например, допрашиваемого, опознающего, имеется какой-то наглядный образ, но расчленив его посредством словесного описания он затрудняется. [14, с. 130] В подобных случаях такому целесообразно было бы предъявить образцы словесных описаний и поставить перед ним задачу выбрать из них описания, соответствующие его мыслям, которые он затрудняется выразить словами, например, могут быть предъявлены различные описания признаков внешности свидетелю, заявившему, что он уверенно опознает обвиняемого, но не может словами описать его внешность.

Лаконичность и компактность протокольного языка. Важная характеристика протокольного описания – его краткость. Одним из условий содержательной краткости описания является хорошее знание всех материалов дела, Учет в процессе протоколирования всех обоснованно выдвинутых версий относительно обстоятельств совершенного преступления.

Для того, чтобы протокол был понятен участникам следственного действия, целесообразно употреблять короткие предложения. Лучше и легче воспринимается текст, когда он изложен лаконично. На синтаксическом уровне компактность достигается путем перестроения нескольких простых предложений в одно сложное, поскольку могут возникнуть сложности с

пониманием таких предложений у прокуроров и судей. [15, с. 106] Обычно короткими предложениями должны фиксироваться показания несовершеннолетних.

Лингвистическая правильность записанного в протоколе имеет немаловажное значение для обеспечения его достоверности. Неправильное употребление слов и словосочетаний, грамматические и стилистические ошибки могут исказить содержание протокола. Соблюдение названного требования имеет также значение для тактики производства следственного действия. Известно, что при общении на оценку личности говорящего, помимо, других обстоятельств влияет лингвистическая правильность речи, в том числе и письменной. Ошибки, допускаемые в протоколе, не только не способствуют воспитательному воздействию, установлению контакта с тем или иным участником следственного действия, но могут даже вызвать антипатию к следователю. Недопустимы также лингвистические неточности в реквизитных текстах протокольных бланков. [16, с. 76]

При отборе словесного материала необходимо считаться с уместностью употребления в описании отдельных слов, фраз. Неуместно, например, использование нецензурных слов с многоточиями и без них. Особой осторожности требует обращение со словами, выражающими данные о фактической стороне преступления против нравственности, хотя в этом случае вредит и излишняя стыдливость.

И последнее, протокольный язык должен отвечать такому требованию, как системность. Категории юридического языка, описывая определенную область действительности, находятся во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.

Заключение.

Таким образом, терминология, используемая при написании протокола следственного действия, выступает в качестве индикатора профессионализма следователя. По языку и стилю протокола можно судить об общем профессиональном и интеллектуальном уровне образования следователя, что,

в свою очередь, формирует имидж всей системы правоохранительных органов. Очень важно, чтобы этот имидж соответствовал тем ожиданиям и задачам, которые ставит государство в сфере повышения уровня правовой культуры и правосознания населения, создавал адекватное представление об эффективности расследования и предупреждения преступлений.

Очевидно в связи с этим, что исследования в области совершенствования протокольного языка следственных действий никогда не потеряют своей актуальности, поскольку многие проблемы обусловлены субъективными факторами и связаны с кадровой политикой, естественными процессами смены поколений. Значит, останутся востребованными разработки, направленные на овладение молодыми сотрудниками умений и навыков грамотной речи, не только письменной, но и устной. Представляется целесообразным в качестве перспективных векторов научно-практического поиска обозначить следующие: обоснование предложений о внесении изменений в действующее законодательство, касающихся закрепления возможности собственноручной фиксации показаний; дискуссионные вопросы уместности использования в научно-практической литературе таких терминов, как «протокольный язык» или «язык протокола»; разработка программ повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, нацеленных на развитие дополнительных компетенций в области русского языка и письменной речи; создание базы вспомогательных материалов, облегчающих работу следователя.

Интерес к казалось бы забытой теме снова объединит ученых и практических работников с тем, чтобы можно было с уверенностью констатировать, что «язык протокола» или «протокольный язык» является зеркалом высокого профессионализма и мастерства сотрудников правоохранительных органов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов И.А. Свойства, функции и языковые черты юридического дискурса // Вестник МДУ им. А. А. Куляшова. 2018. № 1(51). – С.124-129.

2. Соловьева Н.А. Амфиболичность юридического дискурса или искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности // LegalConsept. 2024. № 3. С. 14-20.
3. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 61-65.
4. Хомутова Т.Н., Шефер Е.А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 44-53.
5. Ахмедов У.Н. Уголовно-процессуальный анализ формы и доказательственного значения протоколов следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 186-191.
6. Галяутдинов Р.Р. Протокол следственного действия как первоочередное и производное доказательство // Современный юрист. 2023. № 4(45). С. 94-102.
7. Губаева Т.В. Язык и право: Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности». М.: Издательство НОРМА, 2004. 160 с.
8. Новиков С.А. Фиксация показаний допрашиваемого в ходе предварительного расследования: актуальные вопросы // Российский следователь. 2023. № 5. С. 2-6.
9. Попова О.А. Процессуальные аспекты фиксации доказательственной информации, представленной в электронной форме // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8(183). С. 341-342.
10. Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. 395 с.
11. Кощеева К.И. К вопросу о качестве составления протоколов следственных действий // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1(54). С. 64-69.
12. Борова Д.М., Гаужаева В.А. Совершенствование порядка протокольной фиксации хода и результатов обыска / Д. М. Борова, В. А. Гаужаева // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 5. С. 377-380.
13. Азарова Е.С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы // Правовая парадигма. 2019. № 4. С. 166-173.
14. Новиков С.А. Дистанционный допрос в ходе предварительного расследования: в шаге от реализации // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 11. С. 128-132.
15. Азарова Е.С. Алгоритм усмотрения суда и разрешение ходатайств в уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 2. С. 101-108.
16. Хайдаров А.А. Практика признания протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами // Уголовный процесс. 2024. № 6(234). С. 74-79.

REFERENCES

1. Vinogradov I.A. Svojstva, funkciya zykove cherty yuridicheskogo diskursa // Vestnik MDU im. A. A. Kulyashova. 2018. № 1(51). – S.124-129.
2. Solov'eva N.A. Amfibolichnost' yuridicheskogo diskursa v professional'noj yuridicheskoy deyatel'nosti // Legal Consept. 2024. № 3. S. 14-20.
3. Kosonogova O.V. Harakteristiki yuridicheskogo diskursa: granicy, sodержanie, parametry // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. Gumanitarnye nauki. 2015. № 1. S. 61-65.
4. Homutova T.N., Shefer E.A. Yuridicheskij diskurs: problemy i perspektivy issledovaniya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2019. № 3. S. 44-53.
5. Ahmedov U.N. Ugolovno-processual'nyj analiz formy i dokazatel'stvennogo znacheniya protokolov sledstvennyh dejstvij // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3. S. 186-191.
6. Galyautdinov R.R. Protokol sledstvennogo dejstviya kak pervoocherednoe i proizvodnoe dokazatel'stvo // Sovremennyj yurist. 2023. № 4(45). S. 94-102.
7. Gubaeva T.V. Yazyk i pravo: iskusstvo vladeniya slovom v professional'noj yuridicheskoy deyatel'nosti. M.: Izdatel'stvo NORMA, 2004. 160 s.
8. Novikov S.A. Fiksaciya pokazanij doprashivaemogo v hode predvaritel'nogo rassledovaniya: aktual'nye voprosy // Rossijskij sledovatel'. 2023. № 5. S. 2-6.
9. Popova O.A. Processual'nye aspekty fiksacii dokazatel'stvennoj informacii, predstavlennoj v elektronnoj forme // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 8(183). S. 341-342.
10. Anners E. Istoriya evropejskogo prava. M., 1996. 395 s.
11. Koshcheeva K.I. K voprosu o kachestve sostavleniya protokolov sledstvennyh dejstvij // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2021. № 1(54). S. 64-69.
12. Berova D.M., Gauzhaeva V.A. Sovershenstvovanie poryadka protokol'noj fiksacii hoda i rezul'tatov obyska / D. M. Berova, V. A. Gauzhaeva // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2022. № 5. S. 377-380.
13. Azarova E.S. Usmotrenie suda kak chast' struktury ugoovno-processual'noj paradigmy // Pravovaya paradigma. 2019. № 4. S. 166-173.
14. Novikov S.A. Distancionnyj dopros v hode predvaritel'nogo rassledovaniya: v shageotrealizacii // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2021. № 11. S. 128-132.
15. Azarova E.S. Algoritm usmotreniya suda i razreshenie hodatajstv v ugolovnom processe // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2018. № 2. S. 101-108.
16. Hajdarov A.A. Praktika priznaniya protokolov sledstvennyh dejstvij nedopustimymi dokazatel'stvami // Ugolovnyj process. 2024. № 6(234). S. 74-79.

«Представленный материал ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях.

Заявляю об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи в журнале «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России». Разрешаю размещение полнотекстовой версии статьи, а также её частей в открытом доступе в сети Интернет, а также на официальных каналах журнала в социальных сетях. При создании статьи не использовались возможности искусственного интеллекта».

Рачаева (Соловьева ИА)
29.10.2024г.